

Иней и Пламя

Ольга Плотникова

Ольга Плотникова

Иней и пламя

«Автор»

2026

Плотникова О.

Иней и пламя / О. Плотникова — «Автор», 2026

Зима 2315 года. Орден Восходящего Света сжигает книги и казнит тех, кто мечтает о небе. Илья Соболев находит обугленный чертёж летающей машины и не может забыть увиденное. Чтобы построить крылья, он идёт в Тверь — и попадает в водоворот запретных знаний, власти и смертельных интриг. Любовь двух женщин, предательство и выбор между спасением себя и спасением мира. Через два месяца его имя прогремит от Москвы до Новгорода, но какой ценой? Можно ли взлететь, если за спиной уже разгорается пламя?

© Плотникова О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Ольга Плотникова

Иней и пламя

Пролог

Осень 2115 года от Великого Затмения. Москва, резиденция Верховного Священника Ордена Восходящего Света.

В тот год листья падали рано, и ветер срывал их с деревьев ещё зелёными, словно сама природа торопилась похоронить лето. В залах резиденции было холодно — каменные стены не держали тепло, а свечи горели тускло, отбрасывая длинные тени на лица советников.

За столом из тёмного дуба сидели пятеро. Главный из них — Верховный Священник, старик с лицом, изрезанным глубокими морщинами, и глазами, которые давно разучились удивляться. Он держал в руках свиток, исписанный мелким, аккуратным почерком. Это было донесение от полевых агентов: в трёх разных княжествах обнаружены «тайные мастерские», где люди, называющие себя «механиками», создают устройства, способные поднимать тяжести в воздух.

— Они называли это крыльями, — сказал один из советников, молодой и горячий, с тонким лицом и нервными пальцами. — Святотатство. Они пытаются уподобиться богам.

— Они пытаются вернуть то, что было до Великого Затмения, — спокойно возразил другой, седой и медлительный. — До того, как мы установили порядок. Эти знания уже уничтожены. Мы сожгли все книги. Мы казнили всех, кто помнил.

— Не всех, — прервал его Верховный. — Мы нашли чертежи у одного из них. Новые. Усовершенствованные. Они не просто восстанавливают старое — они придумывают новое. Они уже построили модель, которая поднялась на высоту человеческого роста. Через год они поднимутся выше стен. Через два — выше колоколен. А ещё через пять — они увидят нас сверху и перестанут бояться.

В зале повисла тишина. Слышно было только, как ветер гудит за окнами, врываясь в щели между камнями. Верховный поднялся, оперся на резной посох, и обвёл взглядом собравшихся.

— Мы должны действовать сейчас. Не завтра. Не через месяц. Сейчас. Пока их мастерские можно сжечь, пока их чертежи можно изъять, пока их имена можно стереть. Мы объявим их еретиками. Мы скажем народу, что они служат силам, пришедшим из-за Великого Затмения. Мы сделаем так, что любой человек, у которого в доме найдут хотя бы одну страницу со схемой, будет наказан. Страх, — он постучал посохом об пол, — страх работает лучше, чем вера. Они будут бояться даже смотреть на облака.

Остальные закивали. Решение было принято. Началась «охота на мастеров», которая продлилась пять лет и унесла сотни жизней. Мастерские горели по ночам, и их огонь было видно за три версты. Имена тех, кто в них работал, исчезали из летописей, как будто их никогда не существовало. А те, кому удалось бежать, уносили с собой то, что было дороже жизни — книги.

Они прятали их в подвалах сгоревших усадеб. В дуплах старых дубов. В тайниках под половицами деревенских изб. Они заворачивали страницы в промасленную ткань, засыпали землёй, помечали место зарубками на соснах — и уходили. Иногда их догоняли, и тогда книги оставались ждать кого-то другого. Иногда им удавалось уйти, и они передавали знания своим детям, а те — своим внукам, с одним наказом: «Дождись того, кто сможет прочитать это. Дождись того, кто не побоится».

Одна из таких книг была зарыта в подвале усадьбы графов Шереметевых. Там же, под грудой старого хлама, лежали и другие — чертежи машин, карты, астрономические таблицы. Усадьбу сожгли через год после начала охоты, но подвал уцелел. Книги остались. Они ждали.

Они прождали сто лет.

Лето 2215 года от Великого Затмения. Тверское княжество.

К тому времени мир уже почти забыл, что такое небо без дыма. По дорогам ходили только обозы с зерном и дровами, а люди, которые когда-то называли себя мастерами, теперь прятались в лесах, в заброшенных монастырях, в подвалах старых усадеб. Их было немного. Они не называли свои имена вслух, потому что имя в те времена стоило дороже золота. За одно упоминание слова «крыло» можно было лишиться языка.

И всё же они пытались. Потому что в каждой деревне, в каждой глухой избе жили мальчики, которые находили обугленные страницы и шептали: «Это не сказка. Это было». И потому что в каждом городе находилась женищина, которая готова была заплатить за эти страницы не золотом — защитой. Убежищем. Кровом, где можно работать без оглядки на колокольный звон Ордена.

Но один человек не исчез. Его звали Кузьма — в те годы он был молод, силён, и его руки знали металл лучше, чем пальцы священников — молитвы. Он был последним из мастеров, кто видел летающую машину своими глазами. Он не строил её — он чинил её в ту ночь, когда Орден нагрязнул в их мастерскую. Он помнил, как свистел пар, как дрожали крылья, как старый наставник крикнул ему: «Беги, Кузьма! Ты должен жить, чтобы помнить!»

Он бежал. Он нёс в руках мешок с чертежами и слышал за спиной только треск огня и крики, которые он не мог заглушить даже в самых дальних лесах.

Кузьма выжил. Он закопал чертежи в тайнике под старым монастырём, засыпал их землёй и ушёл далеко на юг. Он не знал, что через сто лет эти чертежи найдёт мальчик. Он не знал, что его имя будут вспоминать как имя предателя — или как имя героя. Он просто сделал то, что должен был: сохранил крылья для того, кто их захочет.

А Орден торжествовал. Уничтожив последних мастеров, он объявил себя единственным хранителем истины. Люди боялись, и потому верили. Священники говорили, что, если человек поднимется в небо, боги разгневаются и обрушат на землю ещё одно Великое Затмение. Люди слушали и не смотрели на звёзды. Они смотрели в землю — и жили так.

Но правда не умирает в тайниках. Она ждёт. Она лежит в сырой земле, обёрнутая в промасленную ткань, рядом с истлевшими чертежами, и она дышит. Она ждёт того, кто не побоится откопать её. Того, кто прочитает слова на старых страницах и скажет: «Это не сказка. Это было».

Она прождала ещё сто лет.

Зима 2315 года от Великого Затмения. Тверское княжество. Медвежий Угол.

Снег идёт уже третью неделю. Он гасит костры на сторожевых башнях, заносит просёлочные дороги, заставляет купеческие обозы стоять по **стойлам** в укрытиях, а людей — сидеть по избам и слушать, как ветер плачет в печных трубах. Мир будто замер, придавленный белым холодом, и кажется, что ни одно живое существо не рискнёт высунуть нос наружу.

Но в одной из уцелевших деревенских изб, в глубине заснеженного Медвежьего Угла, время течёт иначе. Здесь, под завывание вьюги, старуха-травница перебирает сухие коренья — она делает это машинально, пальцы помнят каждую веточку, каждый лист. Взгляд её устремлён в одну точку, но мысли далеко. Рядом с ней, на лавке, сидит её внук. Зовут его Илья.

Он худ, светловолос, и глаза у него не такие, как у прочих парней его лет — в них нет ни озорства, ни покорности, ни обычной деревенской тяжести. Эти глаза слишком пристально смотрят на обугленную страницу старой книги, которую он держит в руках. На странице —

рисунок летающей машины, наполовину съеденный плесенью, но сквозь коричневые разводы и вьёвшийся пепел всё ещё угадываются линии: крылья, корпус, винт. Илья водит пальцем по этим линиям, словно пытается нащупать пульс давно умершего чуда, и шепчет, почти не веря собственным словам:

— Это не сказка. Это было.

Снаружи вьюга колотит в ставни, и кажется, что весь мир пытается заглушить этот шёпот — настойчиво, яростно, как будто боится услышать правду. Но Илья не слышит ветра. Он слышит другое: как пар со свистом рвётся из медных труб, как колёса с грохотом набирают обороты, как крылья со свистом разрезают плотный воздух. В его голове машина уже построена, уже летит, уже оставляет внизу снега, страх и людскую память.

Эта обугленная страница прошла через руки тех, кого давно нет в живых. Она была зарыта в подвале сгоревшей усадьбы, пронесена через леса человеком, который бежал от костров Ордена, и спрятана под половицей избы, где её нашла девочка, которая потом стала его матерью. Он не знал, что она — последняя из своего рода, последняя нить, соединяющая его с теми, кто когда-то умел летать.

Через два месяца его имя прогремит от Москвы до Новгорода, а затем будет вычеркнуто из летописей как имя преступника. А две женичины, которых он полюбит, станут его судьями и палачами. Сейчас он просто держит в руках обугленный листок и мечтает.

Он хочет построить крылья. Не для славы, не для власти, не для побега. Он хочет построить их для себя — чтобы подняться над этим миром, где каждый шаг предопределён, где знание запрещено, а мечта наказуема. И для всех — для тех, кто не умеет просить о чуде, но ждёт его так же отчаянно, как ждёт весны замёрзшая земля.

Он ещё не знает, что его крылья обернутся для него пламенем. Но даже если бы знал — он всё равно стал бы их строить. Потому что единственный способ не сгореть — это взлететь.

А где-то в земле, под старым монастырём, в промёрзшей глине, лежат другие страницы. Они ждут своего часа. Они тоже хотят, чтобы кто-то их откопал, прочитал и повторил те же

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.